

**Опыт декодировки чеховских символов через связь с фольклором при изучении пьесы
«Вишневый сад» в колледже**

Ариадна Викторовна Александрова

Старший преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Москва, Россия

qwiny@mail.ru

ORCID 0000-0001-9446-0013

Поступила в редакцию 27.11.2023

Принята 01.12.2023

Опубликована 15.01.2024

УДК 82.091:398(470)"18/19"

DOI 10.25726/e8941-7919-1340-j

EDN FZAFER

ВАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В данной статье автор рассматривает лекционное занятие по литературе для студентов колледжей. Литература является общеобразовательным предметом, при этом данная дисциплина способствует развитию аналитических способностей, формированию умения выстраивать логические цепочки, делать умозаключения. Лекции по литературе способствуют и повышению интереса обучающихся к русской культуре, расширяют межпредметные связи, способствуют воспитанию культурного патриотизма. В статье представлены методические рекомендации по проведению лекционного занятия по изучению пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад». Как показывает практический опыт, студентам часто сложно понять смысл финальной сцены произведения, когда Фирс оказывается забытым в пустом доме; вызывает затруднение объяснение интерпретации стука топора по дереву как чего-то зловещего. То, что это что-то зловещее, понимают все, но почему мы именно так расшифровываем этот звук, объяснит далеко не каждый. Есть в пьесе и образы-символы, которые литературоведы как-то обходят стороной, например, образ луны, ключи. «Вишневый сад» – это последняя, предсмертная пьеса А.П. Чехова, и он оставил для нас, потомков, произведение, наполненное смыслом, зашифрованным и закодированным в образах-символах, в звуках, в значимых ремарках. Чехов всегда рассчитывал на умного, вдумчивого читателя и не любил давать текст в открытом виде, побуждая читателя самостоятельно отыскивать смысловые ориентиры. Поэтому для студентов, имеющих не столь большой опыт чтения и понимания литературных произведений, пьеса «Вишневый сад» является сложной. Задача преподавателя – вручить обучающимся ключ для декодировки зашифрованных посылов. В качестве такого ключа предлагается использовать фольклор.

Ключевые слова

лекционное занятие, методика преподавания литературы, А.П. Чехов, Вишневый сад, фольклор, архетип, образ-символ.

Введение

А.П. Чехов – это писатель мирового масштаба. В своем творчестве он поднимает проблемы общечеловеческого уровня. Но Чехов является и национальным русским писателем, об этом как-то забывают. Рассмотреть его творчество именно с этой точки зрения представляется интересным. Национальный писатель всегда будет связан с народной культурой, в том числе и с ее глубинными

пластами – такими как фольклор. Намеренно писатель вплетает народные «смыслы» в свое произведение или интуитивно – не суть важно, главное, что в чеховских произведениях это присутствует. Можно проследить эту связь с фольклором на примере пьесы «Вишневый сад», которая входит в общеобразовательную программу. В этой статье будет рассмотрена связь чеховских символических посылов с фольклорной традицией через архетипы, свойственные русской культуре.

Выступая новатором в области драматургии, А.П. Чехов вводит в свои пьесы знаменитое «подводное течение» и образы-символы. Подобные нововведения требуют интерпретации, которая связана с образами-символами, прочно укоренившимися в коллективном бессознательном, то есть с архетипами. К.Г. Юнг, основоположник термина «архетип», отмечал: «Исходные структурные компоненты души столь же поразительно единообразны, как части человеческого тела. Архетипы – это, так сказать, органы человеческой души, извечно наследуемые формы и идеи, которые сами по себе лишены определенного содержания, но обретают его в течение жизни человека, чей опыт заполняет эти формы» (Юнг, 1991).

Материалы и методы исследования

Попытки рассмотреть пьесы А.П. Чехова через фольклор осуществлялись неоднократно. Убедительно доказывает, что такое изучение произведения является правомерным, М.Ч. Ларионова на примере пьесы «Чайка» (Ларионова, 2018). Ей же принадлежит опыт интерпретации звука лопнувшей струны из пьесы «Вишневый сад» (Ларионова, 2009). В.В. Полонский считал, что наиболее убедительными являются те попытки изучения творческой манеры А.П. Чехова, «что стремятся осознать природу ценностных ориентиров писателя, для которых центральным становится средостение между явным и скрытым, подлежащим выявлению, смыслами реальности» (Полонский, 2011). Есть работы, которые помимо всего прочего рассматривают чеховские образы посредством использования мифологических и живописных аллюзий (Завгородняя, 2022). Однако работы, которая бы полностью была посвящена расшифровке образов-символов в пьесе «Вишневый сад» через образы, созданные коллективным бессознательным, при этом в доступной для понимания студентов колледжей форме, еще не было.

Результаты и обсуждение

Культура каждого этноса и нации базируется на выработанной веками системе архетипов, характерной только для данной культурной общности.

«Культурный архетип состоит из первообразов человеческого сознания, определяющих онтологическую, аксиологическую и гносеологическую составляющие культуры. Субъективные переживания человека тесно связаны с архетипами и выражаются с помощью определенной символики архетипических образов, которые являются основными элементами мифологии и фольклора» (Нимаева, 2013). Таким образом, обращение к фольклору как воплощению архетипов для истолкования чеховских символов вполне правомерно. К.С. Станиславский вспоминал о замечаниях Чехова относительно персонажей «Чайки», первой чеховской пьесы, поставленной Московским художественным театром: «...он [Чехов] всегда так высказывал свои замечания: образно и кратко. Они удивляли и врезались в память. А. П. точно задавал шарады, от которых не отделаешься до тех пор, пока их не разгадаешь». Сами пьесы А.П. Чехова – это тоже закодированные и зашифрованные послания, которые требуют декодировки (А.П. Чехов в воспоминаниях современников, 1986).

Стук топора по дереву три раза появляется в пьесе в четвертом действии. В первый раз мы его слышим после слов Трофимова: «Дойду или укажу другим, как дойти» (Чехов, 2020). Петя собирается идти к высшей правде и высшему счастью, но как только он уверяет, что дойдет, сразу ремарка: «пауза». Тогда он уверяет, что укажет путь другим, но тут автор помещает еще одну ремарку: «Слышно, как вдали стучат топором по дереву». И сразу становится ясно, что он не дойдет и другим путь к высшему счастью указать не сможет.

Второй раз стук раздаётся перед появлением на сцене Фирса, когда все разъехались и Лопухин закрыл дом на замок. Чехов предваряет эту сцену ремаркой: «... Становится тихо. Среди тишины

раздается глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно» (Чехов, 2020). После этого появляется старый и больной Фирс, всеми забытый, оставленный здесь умирать без пищи и тепла. Он укладывается на диван и лежит неподвижно. После этого Антон Павлович пишет свою заключительную ремарку, в которой после звука лопнувшей струны: «... наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву». И так, как в фольклорной сказке, стук топора по дереву раздается трижды. Каждый раз это ответ на не озвученный вопрос о счастливом будущем и о будущем вообще. В первый раз это ответ на речь Трофимова о высшем счастье – нет! Вместо счастья тревожный стук топора. Во второй раз все уезжают, причем Трофимов покидает дом со словами: «Здравствуй, новая жизнь!» Казалось бы, теперь, когда судьба вишневого сада решилась, действительно начнется светлая жизненная полоса. Но опять раздается зловеющий стук топора по дереву. Появление старого слуги доводит это ощущение до ужаса. И в заключение опять повторяется этот стук, усиленный звуком лопнувшей струны, как нечто неотвратимое и чудовищное.

Стук топора по дереву в фольклоре интерпретируется как забивание гвоздей в крышку гроба. Это прослеживается в разных видах гаданий. Например, зафиксирована такая подблюдная песня, предвещающая смерть:

Лопатами гребут, секерами секут (Виноградова, 2019). Выражение «секерами секут» – означает «стучат топорами».

Так же есть гадания путем подслушивания звуков у мест обитания нечистой силы. «Раньше из-за запрета зазывать «нечистую» силу в жилище людей и для облегчения связи с потусторонними силами ворожили в местах, где, по поверьям, обитала «нечисть», – в бане, в подполье, на перекрестках дорог и т. д.» (Тихонова, 2017). Любой стук по дереву считался предвестием смерти. Так что не удивительно, что реципиенты чеховской пьесы, будучи носителями русской культуры, расшифровывают этот звук на уровне подсознания, как зловеющий, несущий гибель.

Еще один неприятный звук, присутствующий в произведении – это гнетущий звук лопнувшей струны. С ним мы сталкиваемся два раза: во втором действии и в заключительном акте четвертого действия. Этот звук тоже связан с фольклорными образами. Порванная или перерезанная нить/струна связана с суженицами (судницы, судицы, наречницы, родички, рожаницы и др.). Это богини судьбы, они присутствуют в фольклоре или мифологии всех славянских народов. У неславянских народов данные божества тоже есть – это греческие мойры, римские парки, скандинавские норны. Видимо, образы этих богинь возникли в глубокой древности на стадии неразделенной индоевропейской общности. Их представляли с различными атрибутами, в том числе с прялкой, клубком и ножницами. Количество богинь разнится. Считается, что одна из них пряла нить жизни, другая ее сматывала в клубок или просто тянула на себя, а третья перерезала нить, что символизировало момент смерти. По народным представлениям, «суженицы невидимы для людей, их пророчества услышать нельзя (или они вообще молчат)», разве что подадут какие-либо знаки: пишут пророчество на лбу/теле (правда, надпись нечитаемая) или подбрасывают какие-либо орудия труда, которые будут связаны с основным заработком в течение жизни. Но «намного чаще в суженицах акцентируется демоническое начало», считалось, что они могут предсказывать только гибель (Славянские древности, 2012). Так что звук лопнувшей струны – это звук, предвещающий смерть.

Чехов жил в переломное время, когда феодальные отношения сменялись капиталистическими. Разоряются дворяне, утрачивают свое ведущее положение в обществе, их усадьбы продаются за долги с аукционов. Этот процесс характерен для всей России. Меняется ситуация и в литературной среде. А.П. Чехов традиционно считается последним представителем классической русской литературы. Дальше на смену придет модернизм и другие направления. Мир меняется по всем статьям. Писатель уже не увидит, каким будет обновленный мир, но то, что он изменится, очевидно. По словам К.С. Станиславского, Чехов понимал никчемность «прежней красивой, но теперь ненужной жизни, которую он со слезами разрушал в своей пьесе» (А.П. Чехов в воспоминаниях современников, 1986). Много в этой уходящей жизни было для него родного, привычного, поэтому, не смотря на уверения Чехова, о том, что он написал комедию, трагизм в произведении точно присутствует.

Чтобы понять завершающую сцену последнего четвертого действия, необходимо осмыслить еще один архетипический образ – образ дома. Своим происхождением он уходит в глубокую древность, так что является открытым для понимания любым человеком. Это место, где появляются на свет и уходят из жизни, так что этот символ находится в центре временных векторов. «Дом несет в себе память рода – ведь под его порогом похоронены предки. Забытые, они напоминают о себе – двойниками-призраками» (Петрова, 1999), неслучайно Раневская из окна видит в саду свою мать. «Соответствие «окно-глаз» дома – связано не только с темой смерти, но и, что гораздо важнее для понимания семантики окна, с темой проникновения во внешнее пространство, оставаясь во внутреннем» (Байбурин, 1983). Она «видит» прошлое, находясь в настоящем.

В фольклоре дом встречается в образе избушки на курьих ножках, которая стоит на границе миров. В этой избушке герой проходит испытание, если выдерживает, то получает помощь, если нет, то изгоняется или уничтожается. А ведь именно в старом барском доме, изображенном в пьесе, раскрываются характеры героев. Но в отличие от избушки Бабы Яги, которая может поворачиваться, этот дом потерял мобильность, застрял в прошлом. Не случайно герои, которые устремлены в будущее или хотя бы настоящее, покидают его. Не вернуться сюда Аня и Петя Трофимов, которые жаждут новой жизни (смогут они ее устроить или нет, в данном случае не важно). Не вернется Раневская, для которой дом давно уже стал только воспоминанием о прошлой жизни, а настоящее прочно связано с Парижем. Не вернется Гаев, так как утратил все права на этот дом, а настоящее ему заменила игра в бильярд. Не вернется Варя, поскольку мечтает либо о собственном доме и семейном счастье (что невозможно с новым хозяином), либо о доме Божьем – о храмах и монастырях; ее судьба открыта, как дверь, в сторону, противоположную от этого дома. А Лопахин, если и вернется, так только для того, чтобы разрушить этот островок ненавистного прошлого. И только Фирс остается один в этом пустом доме. Пустой дом с одним единственным существом внутри, как и избушка Бабы-Яги, – это гроб с покойником. Фольклорист В.Я. Пропп считает, что «Яга напоминает собой труп, труп в тесном гробу или в специальной клетушке, где хоронят или оставляют умирать. Она – мертвец» (Пропп, 1986). Фирс тоже не жилец в этом мире. Без пищи и воды в пустом доме пожилой и больной человек скоро скончается. Но он умер для этого обновляющегося мира еще раньше, когда волю называл несчастьем: «Перед несчастьем то же было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь» (Пропп, 1986) «Народные приметы крик и прилет хищных птиц принимают за печальное предвестие чьей-либо смерти» (Афанасьев, 2002). Это смерть старых устоев. Любые гудящие и звенящие звуки в народе воспринимаются как оберегающие. То есть самовар, как атрибут барского дома «чувствует» приближение губительных сил. Это наступает новое время, отправной точкой которого является отмена крепостного права. Фирс пожелал остаться, как прежде, при господах. Такую рабскую позицию Чехов не приемлет, поэтому старый слуга обречен, как и этот дом, и этот сад.

Цветущий сад в фольклоре, как и в христианской традиции, связан с образом рая. Аня по приезде домой говорит: «Птицы поют в саду. Который теперь час?» Цветущие деревья и певчие птицы – атрибуты рая. В русском фольклоре он называется «ирей» (ирий, вырий, вырей), но суть такая же, как у библейского рая. Кстати, «слово *гај, известное всем без исключения славянским языкам, по общему признанию этимологов, принадлежит к праславянскому лексическому фонду» (Славянские древности, 2009). «Это мифологическая страна, находящаяся в теплом море..., где зимуют птицы и змеи..., куда улетают души умерших» (Славянские древности, 1999). Деления на рай и ад у славян не было. Считалось, что ирей находится на ветвях мирового дерева, отсюда и цветущие райские деревья. Архаические представления тесно переплелись с христианскими. Поэтому в фольклоре устойчиво прослеживается мотив «утраченного рая». Дворяне, как согрешившие первые люди из древнего писания, утрачивают его навсегда.

Интересен образ луны в свете фольклора. Во втором действии Аня говорит: «Восходит луна». Далее ремарка: «Слышно, как Епиходов играет на гитаре все ту же грустную песню. Восходит луна...». Трофимов отзывается: «Да, восходит луна». И после паузы продолжает: «Вот оно счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги...» (Чехов, 2020). Образ луны в поэзии и романистике XIX века по сложившейся традиции символизирует любовь. Но Петя под счастьем подразумевает нечто

другое, так как завершает фразу следующими словами: «И если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие!»

В фольклоре луна прочно ассоциируется с загробным миром, с областью смерти. «Лунный свет считался у всех славян опасным и вредным» (Славянская мифология, 1995). Можно привести даже детскую считалку:

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана:
– Буду резать, буду бить...

Речи Трофимова в этой пьесе напоминают речи активиста-интеллигента, который занимается революционной деятельностью, по крайней мере, близок к этому. Своими словами он увлекает мало разбирающуюся в жизни Аню. Образ луны, раскрытый через народную традицию, указывает на опасный и недобрый итог. Счастья обоим не будет. Такой вывод подчеркивается и чеховской ремаркой о Епиходове-неудачнике с его «все той же грустной песней».

И еще один символ встречается в произведении – это ключи. Впервые мы встречаемся с ними в первом действии в ремарке: «Входит Варя, на поясе у нее вязка ключей» (Чехов, 2020). «Ключ – очень мощный символ. Это власть, сила выбора, вдох, свобода действия, знание, инициация» (Полная энциклопедия символов 2003).

У русского народа есть пословицы: «Ключ сильнее замка. Если отдашь ключи – сам в двери стучи» (Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы, 2004). В третьем действии, когда выясняется, что вишневый сад с именем купил Лопухин, автор пишет в ремарке: «Варя снимает с пояса ключи, бросает их на пол, посреди гостиной, и уходит» (Чехов, 2020). Она теряет все и, согласно пословице, теперь будет стучаться в чужие двери (договорилась пойти в экономки к Рогулиным). А Лопухин эти ключи подбирает – он хозяин положения.

Заключение

Фольклор включает в себя все самое ценное, что хранит народная память, поэтому рассмотрение пьесы «Вишневый сад» через призму фольклора позволяет увидеть многое недосказанное автором. Студентам проще и легче понять образы-символы, оставленные А.П. Чеховым на страницах пьесы. Народная традиция позволяет соединить воедино современность и древность, учит образно мыслить, развивает способность находить логические связи. Программа по литературе в колледже или в старших классах школы не включает изучение фольклора, но есть возможность применить ранее приобретенные знания, а также проникнуться любовью и уважением к родной культуре.

Список литературы

1. А.П. Чехов в воспоминаниях современников / Вступ. статья А. Туркова; (Лит. мемуары). Сост., подгот. текста и коммент. Н. Гитович. М.: Худож. лит., 1986. 735 с. С. 381
2. Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Т. 1. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica. 2002. С. 800. С. 510.
3. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с. С. 143
4. Виноградова Л.Н. Толковательные модели фольклорных образов и мотивов как прогностических знаков (на материале подблюдных песен) // Сборник научных статей «Всероссийский конгресс фольклористов». 2019. С. 166-177. Цит. по: Поэзия крестьянских праздников / ред. В. Г. Базанов; авт. вступ. ст., сост., примеч., подгот. текста И.И. Земцовский. Л., 1970. № 317. 222 с. (Библиотека поэта. Большая серия / осн. М. Горьким).
5. Завгородняя Г. Ю. Женские образы в рассказах А.П. Чехова: романтическая традиция и мифопоэтический аспект // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 238-254.
6. Ларионова М.Ч. Звук лопнувшей струны в свете фольклора // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2009. № 2. С. 39-47.

7. Ларионова М.Ч. Пьеса А.П. Чехова «Чайка»: литературные вопросы и фольклорные ответы // Новый филологический вестник. 2018. № 2(45). С. 108-117.
8. Нимаева О.Э. Феномен архетипов и архетипических образов в традиционной культуре бурят // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2013. № 6. С. 156-159.
9. Петрова М. Образ дома в фольклоре и мифе // Серия «Symposium», Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Вып. 1 // Материалы научной конференции. 20-21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 1999. С. 59-61.
10. Полная энциклопедия символов / Сост. В.М. Рошаль. М.: Эксмо; СПб.: Сова, 2003. 528 с. С. 121
11. Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с. С. 187.
12. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. 365 с. С. 71
13. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. М.: «Международные отношения», 1999. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). 687 с. С. 422
14. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. М.: «Международные отношения», 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). 656 с. С. 397.
15. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. М.: «Международные отношения», 2012. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). 736 с. С. 200.
16. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с. С. 245-246.
17. Тихонова Е.Л. Устные рассказы русских старожиллов Бурятии о праздновании Рождества и Святков. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2017. № 3. С. 215-223
18. Чехов А.П. Пьесы / вступ. ст. В.А. Богданова. М.: Детская литература, 2020. 314 с. С. 179-248.
19. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / Авт.-сост. В. Андреева др. М.: Астрель, АСТ, 2004. 556 с. С. 236.
20. Юнг К. Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. 304 с. С. 135.

The experience of decoding Chekhov's symbols through connection with folklore when studying the play «The Cherry Orchard» in college

Ariadna V. Aleksandrova

Senior Lecturer at the Department of Russian and Foreign Literature

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

Moscow, Russia

qwiny@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9446-0013

Received 27.11.2023

Accepted 01.12.2023

Published 15.01.2024

UDC 82.091:398(470)"18/19"

DOI 10.25726/e8941-7919-1340-j

EDN FZAFER

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE EDUCATION, SPECIAL

Abstract

In this article, the author examines a lecture lesson on literature for college students. Literature is a general education subject, while this discipline contributes to the development of analytical abilities, the formation of the ability to build logical chains, and draw conclusions. Also, lectures on literature help to increase students' interest in Russian culture, expand interdisciplinary ties, and promote cultural patriotism. The article presents methodological recommendations for conducting a lecture session on the study of A.P. Chekhov's play «The Cherry Orchard». As practical experience shows, it is often difficult for students to understand the meaning of the final scene of the work, when Firs is forgotten in an empty house; it is difficult to explain the interpretation of the knock of an axe on wood as something sinister. Everyone understands what is ominous, but not everyone will explain why we decode this sound in this way. There are also symbolic images in the play that literary critics somehow avoid, for example, the image of the moon, keys. «The Cherry Orchard» is the last, dying play by A.P. Chekhov, and he left for us, descendants, a work filled with meaning, encrypted and encoded in images-symbols, in sounds, in meaningful remarks. Chekhov always counted on an intelligent, thoughtful reader and did not like to give the text in open form, encouraging the reader to find semantic landmarks on his own. Therefore, for students who do not have much experience in reading and understanding literary works, the play «The Cherry Orchard» is difficult. The task of the teacher is to give students a key to decode encrypted messages. Folklore is suggested to be used as such a key.

Keywords

lecture lesson, methods of teaching literature, A.P. Chekhov, Cherry orchard, folklore, archetype, image-symbol.

References

1. A.P. Chekhov in the memoirs of contemporaries / Introduction. article by A. Turkov; (Lit. memoirs). Comp., podgot. text and commentary. N. Gitovich. M.: Art. lit., 1986. 735 p. P. 381
2. Afanasyev A.N. Myths, beliefs and superstitions of the Slavs. Vol. 1. M.: Eksmo, St. Petersburg.: Terra Fantastica. 2002. 800 p. P. 510.
3. Bayburin A.K. Dwelling in the rituals and representations of the Eastern Slavs. L.: Nauka, 1983. 191 p. P. 143
4. Vinogradova L.N. Interpretative models of folklore images and motifs as prognostic signs (based on the material of folk songs) // Collection of scientific articles «All-Russian Congress of folklorists». 2019. pp. 166-177. Cit. by: Poetry of peasant holidays / ed. by V. G. Bazanov; author. introductory article, comp., note., preparation. text by I.I. Zemtsovsky. L., 1970. № 317. 222 p. (The poet's library. A large series / by M. Gorky).
5. Zavgorodnaya G. Y. Female images in the stories of A.P. Chekhov: romantic tradition and mythopoetic aspect // Bulletin of Slavic Cultures. 2022. Vol. 66. pp. 238-254.
6. Larionova M.Ch. The sound of a broken string in the light of folklore // Izvestia of the Southern Federal University. Philological sciences. 2009. № 2. pp. 39-47.
7. Larionova M.Ch. Chekhov's play «The Seagull»: literary questions and folklore answers // New Philological Bulletin. 2018. № 2(45). pp. 108-117.
8. Nimaeva O.E. The phenomenon of archetypes and archetypal images in the traditional culture of the Buryats // Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. 2013. № 6. pp. 156-159.
9. Petrova M. The image of the house in folklore and myth // Series «Symposium», Aesthetics today: state, prospects. Issue 1 // Proceedings of the scientific conference. October 20-21, 1999 Abstracts of reports and speeches. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 1999. pp. 59-61.

10. Complete Encyclopedia of Symbols / Comp. V.M. Roshal. M.: Eksmo; St. Petersburg: Sova, 2003. 528 p. P. 121.
11. Polonsky V.V. Between tradition and modernism. Russian literature of the turn of the XIX-XX centuries: history, poetics, context. Moscow: IMLI RAS, 2011. 472 p. P. 187.
12. Propp V.Ya. The historical roots of a fairy tale. Leningrad: Leningrad University Press, 1986. 365 p. P. 71.
13. Slavic antiquities: An Ethnolinguistic dictionary. In 5 vols. / Under the general editorship of N.I. Tolstoy. M.: «International Relations», 1999. Vol. 2: D (Give) – K (Crumbs). 687 p. P. 422
14. Slavic antiquities: An Ethnolinguistic dictionary. In 5 vols. / Under the general editorship of N.I. Tolstoy. M.: «International Relations», 2009. Vol. 4: P (Crossing the water) – C (Sieve). 656 p. P. 397.
15. Slavic antiquities: An Ethnolinguistic dictionary. In 5 vols. / Under the general editorship of N.I. Tolstoy. M.: «International Relations», 2012. Vol. 5: C (Fairy tale) – I (Lizard). 736 p. P. 200.
16. Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary. M.: Ellis Luck, 1995. 416 p. pp. 245-246.
17. Tikhonova E.L. Oral stories of Russian old-timers of Buryatia about the celebration of Christmas and Yuletide. // Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. 2017. № 3. pp. 215-223.
18. Chekhov A.P. Plays / introduction by V.A. Bogdanov. M.: Children's literature, 2020. 314 p. pp. 179-248.
19. Encyclopedia. Symbols, signs, emblems / Author-comp. V. Andreeva, etc. M.: Astrel, AST, 2004. 556 p. P. 236.
20. Jung K. Archetype and symbol. M.: Renaissance, 1991. 304 p. P. 135.